

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ ХУДОЖНИКОВ

Всеволод Воннов

Портреты великих людей всегда интересовали и привлекали массу так же, как всякое запечатление их облика, особенно, если оно сделано при их жизни, и притом крупными мастерами кисти, карандаша или резца. При существовании фотографии портреты, исполненные художниками, несколько не теряют значительности и, безусловно, незаменимы, как «человеческие документы», передающие иногда такие существенные черты изображенной личности, которые недоступны фотографическому объективу.

Многие наши крупные художники создали ряд портретов Л. Н. Толстого; некоторые из них писали, рисовали его неоднократно и в разное время, оставив нам целую галерею его изображений, представляющую не только выдающееся историческое значение, но и большой художественный интерес.

Ранних портретов Толстого сохранилось немного; известны дагерротипы 1848, 1851 и 1853 г.г., относящиеся к началу его литературной карьеры.

Первым изображением Л. Н., сделанным художником, является литография из Тиммовского «Художественного Листка» 1857 г., исполненная с фотографии Левицкого, где Толстой помещен в группе с Тургеневым, Некрасовым, Сологубом, Григоровичем и Панаевым. Это — Толстой-офицер, автор «Севастопольских рассказов», «Рубки леса».

Первым художником, оставившим нам живописный портрет Льва Николаевича, был И. Н. Крамской. Писан он в 1873 году и ныне находится в Гос. Третьяковской Галерее. Здесь Л. Н. изображен значительно возмужавшим, обросшим бородою, в которой начинают пробегать серебряные нити; вместе с тем, уже в этом портрете, как и во всех последующих, мы видим его «опростившимся», не в европейском костюме, а в просторной блузе. Крамскому весьма удалось передать пристальный взгляд глубоко запавших глаз, полный упорной мысли.

Начиная с 1880-х годов, количество писанных и рисованных портретов Толстого все увеличивается. В это время, когда слава Толстого, как крупнейшего писателя и философа, делается мировой, его изображают лучшие наши художники — Н. Н. Ге и И. Е. Репин.

Н. Н. Ге, которого с Толстым связывала долголетняя и тесная дружба с 1862 года, изобразил Льва Николаевича сидящим за письменным столом, углубленным в свою работу (1884 г.). Кроме этого прекрасного портрета нам известен несольшой карандашный набросок с Льва Николаевича, находящийся в Пушкинском доме, а также бюст (1890 г.), считающийся одним из лучших по сходству. Связь Ге с Толстым и влияние последнего на художника были весьма значительны; ряд картин его на евангельские темы был проникнут толстовским истолкованием евангельской легенды, где мало было места для быта и религии, но была исключительная углубленность в идейную ее сторону. Помимо этого, Ге создал прекрасную, близкую по духу серию иллюстраций к толстовскому рассказу «Чем люди живы» (1882 г.).

Другому мощному таланту, И. Е. Репину, принадлежит в буквальном смысле целая галерея толстовских портретов. Репин часто видался с Л. Н., подолгу жил в Ясной Поляне и имел возможность наблюдать великого писателя в различные моменты его жизни и деятельности; и не только наблюдать, но и закрепить эти моменты в ряде живописных и карандашных работ. Можно сказать, что И. Е. Репин передал динамику Толстого. В своей иллюстрации к «Перелески» Толстого (1855 г.) он всюду ввел Л. Н. действующим лицом; далее, он в ряде превосходных, полных движения и жизни рисунков, изобразил Толстого в труде: пахущим, косящим траву, пишущим, читающим... Эти небольшие карандашные наброски нервно и в то же время тщательно и любовно (чтобы не пропустить характерного!) начертанные рисунки, — не менее драгоценны для суждения о живом, действующем Толстом, чем его знаменитые портреты. Среди последних многие Репин возвысил до значительности картины, как например:

«Толстой в своем рабочем кабинете в Ясной Поляне», «Толстой — пахарь» (1887 г.), «Толстой читает» (1892 г.) и др., где художник не дал изолированного, вырванного из окружающей среды изображения ясно-полянского отшельника, а связал его с той обстановкой, в которой он жил и работал и тем достиг большого художественно-значительного впечатления и большой исторической правды...

Из живописных портретов, исполненных И. Е. Репиным, следует упомянуть: портрет 1887 г. (в кресле), находящийся в Третьяковской галерее; «Толстой за письменным столом» (акв. 1893 г.); «Толстой босиком» (В Русском Музее, Ленинград); кроме того им же сделан большой и весьма схожий бюст Льва Николаевича.

Подобно Репину, живой действительный облик Толстого оставил нам художник Л. П. Пастернак. В ряде его картин-портретов Толстой изображен, опять-таки, в различные моменты своей жизни: то при свете лампы, в кругу семьи (Русский Музей, Ленинград); то с Н. Н. Ге за чтением; то пахущим или беседующим на селе с крестьянами. Работы Пастернака замечательны тем, что при сохранении полного портретного сходства, художник сумел всюду придать фигуре Льва Николаевича, его лицу какую-то большую и глубокую значимость, выходящую за рамки портрета в обычном смысле этого слова. Так, например, его «Толстой-пахарь» овеян духом волнующего романтизма и пафоса; Толстой, читающий при мерцании свечи, и слушающий его друг Ге кажутся какими-то великими, углубленными в вековую думу мудрецами; а во всей фигуре Льва Николаевича, изображенного в кругу семьи сидящим в стороне, чувствуется спокойная сосредоточенность мысли, далекой от этого мягкого уюта комнаты, озаренной лампой с широким абажуром... Л. О. Пастернак, подобно Ге и Репину, является также автором прекрасных иллюстраций к произведениям Л. Н. Толстого («Война и Мир», «Воскресение» и проч.).

За изображение Толстого брался и другие, менее значительные художники, как напр.: Похитонов, Пархоменко,

Игумнова, Онушко, Левицкий, Далькевич и другие, но они прибавили сравнительно мало к характеристике «великого писателя земли русской», и разве особого упоминания заслуживает находящийся в Русском Музее в Ленинграде портрет, писанный Н. Ярошенко (1894 г.).

Помимо многочисленных портретов, сделанных с натуры, мы имеем ряд не плохих «синтетических» портретов, где художники стремились передать образ великого мудреца в несколько отвлеченном, «типизированном» виде. К числу таких более или менее удачных попыток можно отнести портреты Л. Н. работы: Гринмана, Малатеста, Таллберга (офорт) и некоторые другие.

Наши скульпторы также запечатлели в своих работах облик Толстого. Кроме уже упомянутых мною бюстов Ге и Репина, несколько раз лепил его И. Я. Гиндбург; известны его бюст Толстого и две статуэтки — Толстой пишет и стоит с книгой и палкой; из этих работ наиболее удачна фигура пишущего Толстого, напоминающая по позе один из превосходных карандашных рисунков И. Е. Репина, находящийся в Русском Музее. Полугресский, полутальянец Паоло Трубедкой, автор известного «Пугала» на площади Восстания, исполнил две прекрасные скульптуры: Л. Н. верхом и бюст его (1898 г.); они сделаны тою эскизной, импрессионистической манерой, которая характерна вообще для работ этого своеобразного художника; в них он достиг огромного сходства и большой убедительной жизненности.

Несколько особняком стоят бюст и барельеф (1901 г.), исполненные с Льва Николаевича скульптором Н. Л. Аронсоном, который дал синтезированный его образ. Объясняется это отчасти теми условиями, в которых работал Аронсон: Лев Николаевич сначала отказался специально позировать для бюста, и Аронсону пришлось удовольствоваться немногими моментами, когда Л. Н. был погружен в свою работу; затем

Толстой уходит

наблюдать его в движении и стараться уловить самое характерное в наружности и в выражении Толстого; и только в конце работы, когда сам Л. Н. заинтересовался ею и согласился немного позировать художнику, последнему удалось довести ее до желанного конца. В результате Лев Николаевич остался доволен работой Аронсона, сказав: «Хорошо. Меня еще так никто не делал. Вы действительно дали мне движение. Шопенгауэр говорит: «Когда человек мыслит, тогда у него бывает такое движение». И действительно, Аронсону удалось в этом бюсте передать напряжение мысли, и таким образом сделать не просто портрет, но представить Толстого — мыслителя.

В Пушкинском Доме имеется мраморное изображение Л. Н. Толстого работы Григорьева, при чем художнику пришла не особенно удачная мысль изобразить Л. Н. выглядывающим из страниц полураскрытой книги; эта скульптура, судя по высеченной надписи, посвящена известному адвокату Корачевскому.

Наши и иностранные граверы сделали огромное количество гравированных портретов Льва Николаевича. Здесь, на первом месте по количеству и по художественным достоинствам следует назвать имя проф. В. В. Матэ, который гравировал Толстого и офортom и на дереве. Образцами для гравюр Матэ, как, впрочем, и для многих других гравюров, служили, главным образом, живописные или рисованные портреты Л. Н., из числа упомянутых мною выше (Репина, Ге), а также и наиболее удачные из фотографий. Ученики Матэ, Рундальцов и И. А. Боянский (толстовец) также сделали большие офортные портреты Толстого. Большим распространением пользовалась также хромолитография И. Е. Репина с его известной картины: «Толстой — пахарь». Упомяну еще портрет Л. Н., гравированный Меркным в 1888 году.

За пределами России также появилось не мало гравированных портретов Л. Н. Толстого; так в Бресте Шотлендером издан хороший офорт по фотографии 1880 годов; известны два берлинских офорта: Г. Вейля и в издании Гильдебрандта; офорт А. Таллберга (1901 г.), изданный Линштемом в Гельсингфорсе. Из заграничных портретов Толстого, гравированных на дереве, укажу на ксилографии в журнале «Illustration» за 1892 и 1902 годы (последний — работы А. Тирна), но они не отличаются особенным сходством, так же, как довольно эффектный и красиво нарезанный Брейдемом в Лондоне портрет из серии «Литературных портретов» (1901 г.).

Популярность Л. Н. Толстого выразилась в издании бесчисленных его изображений на открытых письмах, на конвертах, коробках, обертках, даже... на папиросных коробках и т. п. Пишущему эти строки пришлось встретить портрет Л. Н., напечатанный на... обертках апельсинов, приславшихся из Италии!..

Творения Толстого, подвиг его личной жизни создали около его имени большой шум и споры, нашедшие отражение в массе карикатур и шаржей в русских и иностранных журналах и газетах. Некоторые из них носят дружеский и благожелательный характер, другие, наоборот, явно враждебный. Подробный их разбор не входит в задачи нашей статьи, но упомянуть о некоторых — не лишнее. Превосходный портрет-шарж принадлежит перу знаменитого рисоваль-

Кабинет и спальня Толстого после его ухода. У постели стоит доктор Маковецкий

щика «Simlicissimus'a» О. Гульбрансона; в «Сатириконе» по являлись шаржи Ре-ми и много других.

В 1902 г. художник Бунин выставил картину, если и не доведенную до степени шаржа, то, во всяком случае, носившую пасквильный характер, это — «Рыбная ловля», где изображены были Толстой, Репин, Чехов и Горький в одних рубашках, ловящими «рыбу в мутной воде». Картина, сама по себе бездарная, вызвала в свое время взрыв негодования, и один экспансивный журналист, Любошиц, написал на ней слово: «мерзость». Это еще больше увеличило шум около ничтожной картины и создало ей незаслуженную рекламу.

Среди карикатур на Толстого можно даже выделить тематически несколько типов; так, не раз его изображали великаном среди пигмеев, например, в виде известной античной статуи Нила с притоками, где современные ему писатели представлены мелкими фигурками притоков; по поводу его 75-летия появились две подобных карикатуры в «Биржевых Ведомостях» (Пархоменко) и в «Стрекозе»... Ряд карикатур имеет темой «опрошение» Толстого, уход его от буржуазной европейской цивилизации (Далькевича, А. Лебедева, Штейна и мн. других).

Любопытна карикатура известного художника «Симплиссимуса» Т. Гейне под названием «Толстой в Лейпциге», где художник изобразил Л. Н., влекомого в тюрьму полицейскими и пасторами.

Заканчивая беглый обзор портретов Л. Н. Толстого, не лишнее спросить себя, оставили ли художники потомству такой портрет его, который бы вполне выражал внутреннюю духовную сущность Толстого, всю мощь и глубину его мысли, его огромного таланта писателя. С большинства его портретов на нас глядят суровое, густо заросшее бородой лицо, с глубоко запавшими глазами; словно первозданная, гранитная глыба, покрытая седым мохом. Во многих портретах нам приходилось отметить: и передачу острой, упорной думы, и углубленность, и динамику труда, которая жила в нем, и, наконец, указать в некоторых известные попытки синтеза (у Ге, Пастернака, Аронсона и др.). И все же надо сказать, что такого его портрета, который бы вполне отвечал нашему «собирательному» представлению о Толстом, — нет, и этот образ, мыслимый и чувствуемый массою, живет во всей совокупности портретов, сделанных с Льва Николаевича разными художниками и в разное время.

Характерно еще отметить, что многие, знавшие Л. Н. и имевшие с ним общение, отмечали тот факт, что художники, изображая Толстого суровым и мрачным, передавали только внешнее, по существу ошибочное, впечатление от его наружности; на это, например, указывает Сергеевко в своей книге. И. Е. Репин признавался, что всякий раз, как он работал над портретами Толстого, он «находил в его лице что-то новое; и, кажется, мог бы писать без конца». Это признание талантливого портретиста крайне ценно, т. к. оно свидетельствует о том, насколько в действительности было изменчиво лицо Л. Н., и как, именно, в этой изменчивости, а не только в статике его черт, выражалось все богатство внутреннего содержания великого писателя.

На одной из чертковских фотографий, снятых в последние годы, Л. Н. схвачен в момент смеха, на другой — он изображен беседующим с детьми, и тут неожиданно для нас вскры-

Могила Толстого в Ясной Поляне

вается непривычная (по его портретам) черта его личности, впрочем, отмечаемая всеми, кто знал его лично, — его огромная доброта и душевная мягкость. Этот факт, наряду с признанием Репина, говорит нам о том, как сложно, переменчиво и «многолико» было лицо Л. Н. Толстого, как невероятно трудна была бы задача создать синтетический, до конца его выражающий портрет. И все-таки следует признать, что галерея замечательных изображений Толстого, созданная нашими крупнейшими художниками, а также огромный фотографический материал, — в целом, — оставляют в нас некий единый, большой и близкий нам образ Толстого писателя, мыслителя и человека.

КАК Я ЛЕЧИЛ ТОЛСТОГО

(Из воспоминаний доктора Бертенсона)

В январе 1902 года, когда Л. Н. заболел серьезной болезнью, внушавшей опасения лечащим его врачам и семье и взволновавшей Россию и всю Европу, я из СПб был вызван в Гаспру (бывшее имение графини Паниной на южном берегу Крыма), где пребывал больной.

22-го января, в 9-м часу вечера, Софьей Андреевной я был введен в спальню Льва Николаевича, где застал его сидящим на диване перед небольшим столом с письменными принадлежностями. С приветливой, ласковой улыбкой Л. Н. протянул мне обе руки и сказал: «Как мне вас благодарить. Жаль только, что вам со мной ничего не поделать, так как пришла мне пора умирать. Смерти я не боюсь и жду ее. Я — тот «старинушка, которого пора под холстинушку». А знаете ли вы стишки из русской песни, которые недавно привел Буенин в одном из своих фельетонов?

«Зачал он, старинушка, покряхтывать,
Зачал он, старинушка, покашливать,
Время старинушке под холстинушку,
Под холстинушку время, да и в могилушку».

Сказав эти стихи с видимым волнением, Л. Н. прослезился и заметил: «Не думайте, что слезы мои вызваны нежеланием умереть, — стихи уже больно жалостливы. Смерть — лишь пробуждение от томительного сна, который есть жизнь, и врачи не должны мешать умирать».

Так как час был уже поздний, то врачебный осмотр я отложил до следующего утра.

На другой день, в 8½ час. утра, Л. Н., узнав от прислуги, что я уже встал и одет, позвал меня к себе и предложил не дожидаться Софьи Андреевны и членов семьи и отправиться в столовую пить кофе. Так как я выразил желание подождать хозяйку дома, то Л. Н. оставил меня у себя и, заметив, что исследование можно произвести после кофе, вступил со мной в разговор.

Спросив меня, кого из русских литераторов я знаю и кого лечил, Л. Н. заинтересовался болезнью Н. С. Лескова и ближайшей причиной его смерти. Он знал, что Лесков умер в припадке грудной жабы, и, предполагая у себя болезнь сердца и распрашивая меня подробно о проявлениях болезни у Н. С., Лев Николаевич, повидимому, сравнивал свое состояние с бывшим у Лескова.

Что Л. Н. беспокоился о своем сердце, можно было судить еще и по тому, что, по словам окружающих, он часто судил у себя пульс и тревожился, замечая перебои. Когда, в ответ на жалобу Л. Н. на перебои, я сказал, что они нервного происхождения, и у меня, здорового, часто бывают, он взял меня за пульс и стал его считать.

Желая перевести разговор на другую тему, я рассказал, что Лесков, подарив мне запрещенный в свое время 6-й том своих сочинений, с описанием архиерейской жизни, сделал

на нем следующую забавную надпись: «Божьим поущением книга сия сочтена вредной и уничтожена мстительностью чревоуязвленного Феоктистова подлого ради угождения Лампадного-деву». По этому поводу Л. Н. расхохотался и тут же меня спросил: «А знали ли вы Григоровича, большого мастера на злые шутки? Не могу забыть, — прибавил он, — как Григорович однажды с забавной серьезностью уврал меня, что у одной очень высокопоставленной особы оловянные глаза и что в этом легко убедиться по находящейся на них сзади надписи: «Гостиный двор, № так-й-то, пролажа искусственных глаз». — Тут Л. Н. снова рассмеялся и закончил разговор предложением идти пить кофе.

Спустя некоторое время, когда Л. Н. спросил меня: «Хотите меня осмотреть? — я ответил: — «Позвольте».

Во время исследования, длившегося довольно долго, Л. Н., несмотря на слабость, ни разу не выказал нетерпения и не сколько раз, когда я приостанавливал осмотр, он приободрял меня словами: — «Не бойтесь, я не устал». — Интересовался Л. Н. и результатами постукивания и выслушивания и, не дожидаясь конца исследования, спросил меня: — «Что сердце?»

По окончании осмотра, Л. Н. мне сказал: — «Полагаю, что неполадок в моем пищеварении такой, как у травяного».

Отвечая на это, я воспользовался случаем коснуться вопроса о питании, которое у Л. Н. в то время оставляло много желать, и сказал: — «А было бы хорошо, Лев Николаевич, если бы вы, в виду слабости, хотя бы временно прибавили к вегетарианскому столу яйца и зернистую икру». — На это последовал лаконичный, твердый ответ: — «Нет, не могу».

Перед обедом состоялось совещание между пользующимися врачами и мной. По окончании его, я вернулся к Л. Н., чтобы окончательно поговорить с ним относительно режима и лечения. Выслушав с большим терпением мое до-

вольно длинное наставление, Лев Николаевич ласково сказал:

— «Вы все так прекрасно, обстоятельно и убедительно изложили, что мне ничего не остается, как вас благодарить и все исполнить в точности. Все это нужно записать, — вот тут и папка-бювар с бумагой для дневника, в который я кое-что записываю. Прекрасная и удобная вещь, подаренная мне моей невесткой, женой Андрея».

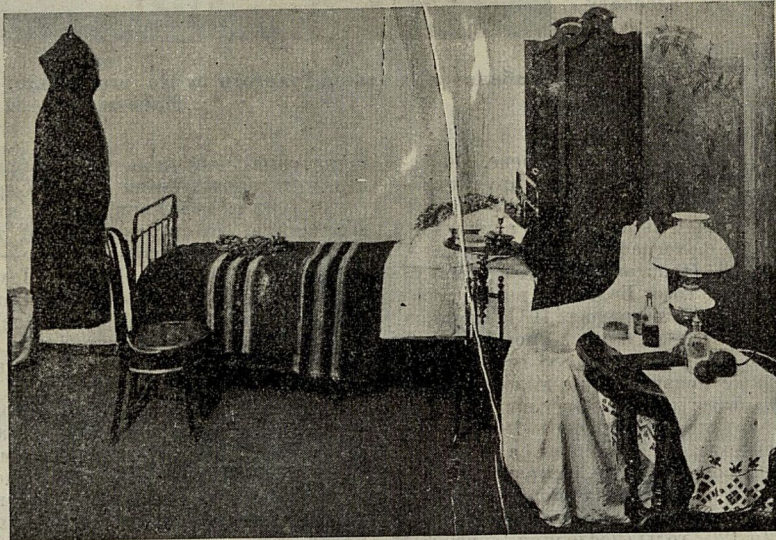
При уходе от Л. Н. я получил от него разрешение зайти вечером, но этого мне не пришлось сделать, так как Л. Н., видимо ободренный благоприятным отзывом об его здоровье совещания врачей, к великой радости всего дома, совершенно неожиданно, с бодрым видом и в хорошем настроении, явился в столовую во время вечернего чая.

Говорили, между прочим, о проф. Захарьине, и Л. Н. заметил про него: — «Выдающийся был врач и обладал замечательной памятью: через 15 лет вспомнил, какие у меня были симптомы болезни».

Это замечание совпало с окончанием игры в карты, и Л. Н., обращаясь ко мне, сказал: — «Врачей, как людей, я высоко ценю, но наука их — слабая, потому что эксперимент на животных далеко не дает всего того, что нужно для познания болезненных процессов в человеке».

1-го июня, по вызову тяжело заболевшего проф. В. М. Тарновского, я приехал в Ялту и вскоре получил от Софьи Андреевны из Гаспры письмо, в котором она передавала о желании Л. Н. меня увидеть.

Прибыв 3-го июня, в 11½ час. утра, в Гаспру, я уже выходя из экипажа издали увидел Л. Н., сидящего в кресле около дома, под большим тутовым деревом, погруженного в письменную работу. Только когда я приблизился к столу, Л. Н. заметил меня и после милого, сердечного приветствия усадил около себя. Первый наш разговор коснулся, конечно, здоровья Льва Николаевича, и когда он был исчерпан, Л. Н. сам предложил мне перейти к медицинскому осмотру.

Комната на ст. Астапово, где умер Толстой